

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ И ИМУЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

А.А. Сысоев,

доцент кафедры тактико-
специальной и огневой подготовки
ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России,
кандидат исторических наук

Д.Б. Кавецкий,

преподаватель кафедры тактико-
специальной и огневой подготовки
ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России

В статье рассмотрено привлечение местного населения Восточной Сибири к выполнению полицейских функций в период с XVIII века по 1917 год.

Отражаются вопросы добровольной и принудительной деятельности населения по охране общественного порядка, её влияние на криминогенную ситуацию в регионе, положительные и отрицательные последствия.

The article discusses the involvement of the local population of Eastern Siberia to the police functions in the period from the eighteenth century to 1917.

*There are same issues on, voluntary and involuntary activity of the population for the protection of public order, the impact of population activity on the crime situation in the region, the positive and negative consequences.**

Традиционно правоохранительная деятельность в России обеспечивалась общественной поддержкой. На разных этапах государственного развития изменялись формы и масштабы привлечения населения к выполнению правоохранительных функций, однако некоторые особенности, характерные для этого явления, сохранялись всегда.

При этом отечественными авторами отмечен ряд особенностей, характерных для несения «полицейской» повинности в Сибири. В частности, по утверждению Н.М. Ядринцева и С.В. Максимова, в XIX столетии имели место инициативы сельских жителей в сыске беглых уголовных преступников. Данное обстоятельство обуславливалось насущной потребностью крестьян и инородцев в обеспечении безопасности общины от массы потенциально опасных бродяг. К 1898 г. на территории Восточной Сибири до 40,9 % отбывавших наказание преступников числились в безвестной отлучке. Таким образом, учитывая масштабы уголовной ссылки, количество беглых в крае достигло к концу XIX столетия цифры в 29403 человек [1, с. 231, 235].

* Sysoev A., Kavetsky D. Public institute providing personal and property safety in Eastern Siberia XIX – early XX century (уточнить название статьи)

Примечательно, что местная администрация также стремилась инициировать появление добровольных «сыщиков» путем их материального стимулирования. Так, в своих исследованиях И.Г. Прыжов приводит примеры, когда «за каждого пойманного преступника начальство Петровского завода платило 10 рублей ассигнациями, а за убитого 5 рублей» [2]. Другой российский автор С.В. Максимов упоминает о некоем «сельском сыщике» Грудинкине, получившем «по представлению начальства за поимку ста беглых золотую медаль на шею» [3, с. 210].

Известен случай, когда генерал-губернатор Восточной Сибири ходатайствовал пред министром внутренних дел о награждении «отличившихся 10 человек – крестьян Иркутского округа Бадайской волости Бархатовской деревни» за розыски и поимку 6 ссыльнокаторжных. Причем 21 января 1836 г. «Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил, – наградить одного из них, крестьянина Иркутского округа Спиридона Прокопьева серебряною на Анненской ленте медалью, с надписью за усердие для ношения на шее» [4].

Таким образом, благодаря материальным стимулам охота за ссыльными превратилась для сибиряков в промысел. В частности, по утверждению С.В. Максимова, «между бурятами велись такие молодцы, которые иногда целью своей жизни ставили охоту за горбачами (горбач – ссыльный с котомкою за плечами. – авт.)» [3, с. 209].

И хотя в ряде случаев губернская администрация проводила показательные судебные процессы над чрезмерно активными «охотниками за горбачами» [3, с. 208] очевидно, что посредством их деятельности чиновники решали одну из актуальнейших проблем региона – борьбу с бродяжничеством и побегами преступников с мест каторги и ссылки.

Об эффективности подобных методов свидетельствуют исследования Н.М. Ядринцева, который утверждал, что «масса беглых убивалась сибирскими крестьянами и инородцами по лесам... их просто стреляли как зверя». По мнению ученого, таким образом, во второй половине XIX в. погибало до 2/3 бежавших преступников [5].

Другой исследователь уголовной ссылки В. Серошевский рассказывал, что однажды сам стал невольным свидетелем того, что «в 1886 г. в Менгельском улусе Якутского округа была перебита якутами вся семья воров, татар, состоящая из четырех человек взрослых и троих детей» [6].

Однако для большей части податного населения Восточной Сибири исполнение «полицейской повинности» являлось занятием крайне обременительным. Порой исполнение обязанностей сотских и десятских превращалось для местных крестьян в одно из самых тяжелых а, следовательно, и нежелательных общественных поручений.

О нежелании со стороны крестьянства выполнять полицейскую службу свидетельствовали многочисленные донесения сельских и волостных старшин. Так, например Введенский сельский староста Плотников сообщал в 1910 г. приставу 4-го стана Иркутского уезда о том, что «полицейский десятский

Николай Кичигин не исполняет свои служебные обязанности, самовольно отлучается и даже совсем не является на очередное дежурство» [7].

Похожая ситуация складывалась и в городских центрах Восточной Сибири, население которых привлекалось к «отнесению десяточного караула».

Иркутские летописцы упоминали по этому поводу, что «в первых числах августа (1851 г.) по распоряжению и.д. полицмейстера Корженевского учреждены по всему городу десяточные караулы из жителей города. Всякий домохозяин поочередно должен был ночью выходить в караул на улицу и охранять свой десяток – назначенных полицией домов. Из частной управы были выданы на каждый десяток дощечки с печатью. Всякий хозяин, откараулив ночь, передавал на другой день эту дощечку соседу» [8].

Следует отметить, что так же, как и для сельских жителей, отбывание десяточного караула городскими обывателями являлось, по отзывам последних, «крайне тяжелой повинностью» [9, с. 284].

Данное обстоятельство объясняет то внимание, которое уделялось органами городского самоуправления вопросам организации караула. Так, в 1888 г. гласными Иркутской городской думы была создана комиссия «по вопросу о десяточном карауле», установившая, что «вопрос об учреждении ночного караула рассматривался впервые еще 18 мая 1877 г.».

Тогда дума пришла к выводу о том, что «привлечение всех домовладельцев к этой повинности, не прибегая к наемной страже, не представляется возможным» [9, с. 280].

Однако критически низкий уровень общественной безопасности и явная недостаточность полицейских сил вынуждали местную администрацию к еще более масштабному привлечению гражданских лиц. Так в соответствии с обязательным постановлением о десяточном карауле, изданным и.д. генерал-губернатором Восточной Сибири Шелашниковым, Иркутск разделялся на 196 участков, охрану которых осуществляли 300 караульных [10, с. 1; 9, с. 283].

Основной обязанностью ночных сторожей при этом являлось «предупреждение пожаров и успокоение умов граждан-обывателей» [10, с. 1]. Так, в 1879 г. и.д. иркутского гражданского губернатора Лохвицкий сообщал иркутским обывателям, «что к ограждению личной и имущественной безопасности принимаются все возможные меры, как-то: учреждены десяточные караулы, пешие и конные патрули» [11].

Данная тенденция сохранялась и в последующем. Через восемь лет в новом проекте о ночных сторожах иркутский губернатор определял в качестве основной обязанности караульным «предупреждение в городе пожаров, грабежей, краж и других преступлений и наблюдение за порядком и спокойствием» [9, с. 287].

Между тем, по мнению самих горожан, «караул как мера для предупреждения воровства, грабежей и проч., не име[ла] никакого значения; напротив, производя обязательную поволодку, караульный, мо[г] только

способствовать злоумышленникам, предупреждая их о месте, где находится караульный» [12].

Специальная комиссия Иркутской городской думы установила, что из планируемых для охраны города 300 человек к 1885 г. службу в карауле несли 56 сторожей, а в 1888 г. – 66 [9, с. 286].

Заслуживал внимание и качественный состав десяточного караула. В соответствии со сведениями, представленными в думу, около 30–32 % ночных сторожей являлись ссыльнопоселенцами [9, с. 286], а оставшиеся 70 % составляли «дряхлые, бессильные и уже не способные к труду старики» [12, с. 217].

Поэтому не было ничего удивительного в заявлении гласного Иркутской думы Зазубрина о том, что он «был обворован два раза при содействии десяточного караула» [13]. Все это вкупе с юридически обоснованными утверждениями депутатов о неправомерности создания гражданских формирований в целях борьбы с уголовной преступностью послужило тому, что Иркутская городская дума «безусловно высказывалась против десяточного караула как в форме существовавшего обязательного постановления, так и в виде [нового] проекта и.д. губернатора» [9, с. 291].

Тем не менее десяточный караул в г. Иркутске и других административных центрах края отменен не был. Более того, подобная практика использования гражданского населения для несения полицейской службы отмечалась и в других регионах Российской империи. Так, караульным г. Костромы вменялось в обязанности «всматриваться во всех, в ночное время проходящих по участку, замечать наружный вид и одежду, откуда и куда идут. Подозрительных людей задерживать и представлять в полицию» [14]. Схожие задачи ставились и перед ночными сторожами Тамбова, Харькова, Ростова на Дону, Владивостока [15].

Примечательно и то, что российское законодательство конца XIX–начала XX вв. не предусматривало создание подобных формирований. Однако высшие губернские чиновники зачастую употребляли особые юридические нормы. Показательным в этом отношении являлось обязательное постановление иркутского военного генерал-губернатора генерал-лейтенанта Алексеева. Руководствуясь «Правилами о местностях, состоящих на военном положении» [16], он ввел в Иркутске, Балаганске, Нижнеудинске, Канске, Красноярске и Ачинске особые положения, в соответствии с которыми «все лица и учреждения, владеющие недвижимой собственностью или заведывающие таковой, обяз[ывались] в ночное время, с 8 ч. вечера до 6 ч. утра, ставить на улице каждый у своего дома благонадежных караульных» [17].

По аналогичной схеме действовал шестью годами позже Иркутский генерал-губернатор егермейстер Князев. 2 марта 1912 г. население Иркутска было оповещено о том, что «в силу предоставленных [генерал-губернатору] прав, предусмотренных ст. 15 и п. 1 ст. 16 “Правил о положении усиленной охраны”, в видах охранения общественного порядка и безопасности издано для жителей обязательное постановление ... о ночных сторожах» [17].

Таким образом, если вне административных центров исполнение «полицейской» повинности воспринималось сельской общиной как тяжелая, но жизненно необходимая обязанность, то городское население исполнение таковой предпочитало избегать. Однако широта властных полномочий губернской администрации позволяла решать вопросы внутреннего «полицейского» устройства даже при явном противодействии органов городского самоуправления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири конца XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири XVIII начала XX вв.: сб. статей / под ред. А.М. Горюшкина. Новосибирск, 1975.
2. Прыжов И.Г. 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков. И другие труды по русской истории и этнографии. СПб., 1996. С.187.
3. Максимов С.В. Каторга империи. М., 2002. С. 210.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 3. Д. 234. Л. 16.
5. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири, ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. С. 189.
6. Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь ее современное состояние и нужды: сб. статей / под общ. ред. С. Мельника. СПб., 1908. С. 222.
7. ГАИО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 284. Л. 72.
8. Летопись г. Иркутска // Иркутские губернские ведомости. 1898. № 1. С. 5.
9. Доклад комиссии по вопросу о десяточном карауле // Известия Иркутской городской думы. 1888. № 13.
10. Обязательное постановление и.д. генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенанта Шелашникова для жителей Иркутска // Иркутские губернские ведомости. 1880. № 10. С. 1.
11. Распоряжение и.д. иркутского гражданского губернатора // Иркутские губернские ведомости. 1879. № 51. С. 1.
12. Заседание 20 марта 1887 г. // Известия Иркутской городской думы. 1887. № 7, 8.
13. Заседание 5 сентября 1888 г. // Известия Иркутской городской думы. 1887. № 22. С. 353.
14. Обязательное постановление для жителей г. Костромы о ночных караулах // Костромские губернские ведомости. 1879. № 25. С. 1.
15. ГАИО. Ф. 91. Оп. 2. Д. 2826.
16. Общее учреждение губернское // Свод Законов Российской империи. Т. 2. СПб., 1892. Ст. 23.
17. ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.